

АЛЕКСЕЙ ГАПОНЕНКОВ

Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
(Саратов, Россия)

ORCID 0000-0003-2177-1835
e-mail: gaponenkova@sgu.ru

СЕМЁН ФРАНК

О РЕЛИГИОЗНОМ МИРООЩУЩЕНИИ ГОГОЛЯ

SEMYON FRANK ON GOGOL'S RELIGIOUS VIEW OF LIFE

Abstract

There are two articles of Semyon Frank on Gogol published in German, one of which is translated into Russian. It focuses on a „kind“ of the Gogol's religious view of life, his mystical revelations, and Christian spirit. In it Gogol appears as an artist and Christian combined, a preacher and a life coach. In the article „Nikolaj Gogol als religiöser Geist“ Frank reviews Gogol's psychological portrait, „melancholy mood“, „metaphysical fear“, and the image of Devil in his artworks. Gogol's personality combines a complex interaction of two elements – artistic and religious, two simultaneous pursuits – a search for an artistic truth and the salvation of the world. Frank declares Gogol a „herald of religious renewal“. He calls the writer a founder of metaphysical realism in Russian literature. Gogol's religious awareness as part of the nineteenth-century literary tradition includes a wide range of philosophical and religious knowledge. Frank's article reached the Russian reader at the turn of the 20th and 21st century when Gogol's spiritual drama has been already reconsidered and modern researchers of Gogol's life and work continue to explore the writer's religiousness.

Keywords: Semyon Frank, Nikolai Gogol, religious view of life, Russian spiritual culture, metaphysical realism, religious renewal.

Гоголь не являлся тем писателем, над произведениями которого Семён Франк раздумывал на протяжении всей жизни. Наиболее близкими ему художниками были Гёте, Пушкин, Тютчев, Достоевский, Толстой, Райнер Мария Рильке. Но Франк был и историком рус-

ской мысли, философии и литературы¹. С этой точки зрения русская литература, русское художественное сознание интересовали его как совершенно особое явление духа, творчества, „живого знания“, необходимое для систематической философской мысли, но и как выражение сокровенного религиозного сознания, *русской духовной культуры*².

Статья Франка *Nikolaj Gogol als religiöser Geist* (Гоголь как религиозный тип) появилась в связи с юбилейной датой – 125 днем рождения писателя. Она впервые была опубликована по-немецки в католическом журнале „Hochland“ (1934/1935; Bd I. S. 251-259), программа которого отличалась богословским либерализмом. На русском языке эта работа была напечатана в переводе А.Г. Власкина в сборнике статей С.Л. Франка *Русское мировоззрение* (СПб., 1996), составленном историком русской философии А.А. Ермичевым. Переводчик озаглавил ее *Религиозное сознание Гоголя*. Сфера „религиозного сознания“ включает и художественное творчество. Тем не менее Франк акцентирует „тип“ религиозного мироощущения Гоголя.

Работа эта восходит к курсу лекций Франка по русской мысли и литературе в Берлинском университете; он читал его немецким студентам (1931–1932 гг.). Специально о Гоголе Франк написал еще одну статью *Nikolai Gogol: Ein russischer Verkündiger der christlichen Lebenserneuerung* <Николай Гоголь: русский вестник христианского обновления жизни> для немецкого ежемесячника „Liebet einander! : Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe“ <„Любите друг друга! Ежемесячный листок Русской братской помощи“> (Lemgo, 1934. No. 6. Juni). Это был печатный орган немецкой протестантской организации „Russische Bruderhilfe“ („Русская братская помощь“)³, издававшийся в 1931–1940 гг. в городе Лемго. Редактором издания выступил теолог, лютеранский пастор Альберт Хеттлинг. Данная статья еще не переведена на русский язык.

¹ См.: Дм.Чижевский: *С.Л. Франк как историк философии и литературы*, в: *Сборник памяти Семена Людвиговича Франка* / под ред. прот. В.Зеньковского. Мюнхен 1954, с.157–174.

² См.: А.А.Гапоненков: „Вера и любовь к русской мысли“: Конспекты лекций С.Л.Франка о русской духовной культуре, „Философические письма. Русско-европейский диалог“ 2021. Т.4, вып. 1, с.212-221.

³ См.: А.С.Цыганков, Т.Оболевич: *Протестантская организация „Russische Bruderhilfe“, и ее роль в творческой биографии С.Л. Франка 1930-х гг.*, „История: электронный научно-образовательный журнал“ 2021. Т.12, вып. 4 (102); О.Назарова: *Неизвестные публикации С.Л.Франка в журнале „Liebet einander“*, „Философские науки“ 2007, № 2, с.5-9.

Напечатанный доклад Франка *Die russische Weltanschauung* (Берлин, 1926) отличается привлечением по теме „национального мировоззрения“ философского и литературного материала. Под „русским мировоззрением“ (франковский автоперевод с немецкого: „русское мирозерцание“) Франк понимал

жизненное ощущение глубокой укорененности человеческого бытия (и бытия мира) – в Боге: „только сам Бог и Он один по мере того, как Он завладевает человеком, если тот погружается в Него, может спасти его“. Это жизневосприятие, совершенно чуждое августино-пелагианскому спору о соотношении закона и благодати, определило особенное и познавательное, и практическое отношение русских к миру⁴.

В диссертации С.В. Никулина *С.Л. Франк как историк русской философской культуры*⁵ намечена методологическая основа рассмотрения „литературоведческих“ статей Франка как материала по истории русской философии:

В стройной, продуманной философской системе Франка, где присутствуют все подразделы философского знания, в том числе антропология, онтология, метафизика, гносеология, этика, философия истории, мы находим целый корпус работ, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, А.С. Пушкина, статьи о характерных чертах русской философии, и шире – о русском мировоззрении в целом. Это свидетельствует о неизменном и постоянном интересе мыслителя к специфическим проявлениям русской философской культуры. Вместе с тем, размышления Франка на эту тему далеки от чисто культурологических и публицистических разборов. Прежде всего, это образцы глубокого философского анализа, результаты которого мыслитель плодотворно использовал в своих главных трудах⁶.

Нам представляется, что не стоит статьи Франка о русских и немецких художниках слова намеренно привязывать к „философской культуре“, тогда как они принадлежат шире – и литературоведению, и литературной критике, пускай и со своей религиозно-философской спецификой.

В третьей главе названной диссертации *Концепция „русского мировоззрения“ в системе С.Л. Франка* С.В. Никулиным подробно

⁴ А.А.Ермичев: *С.Л.Франк – философ русского мировоззрения*, в: С.Л.Франк: *Русское мировоззрение*. Санкт-Петербург 1996, с.24-25.

⁵ См.: С.В.Никулин: *С.Л.Франк как историк русской философской культуры*: автореф. дис. ... канд. филос. наук / МГУ. Москва 2007.

⁶ Ibidem, с.5.

исследованы франковские статьи, посвященные творческому наследию Пушкина, Достоевского, Льва Толстого. Автор обратил внимание на „три равноценных блока“ проблем *Этюд о Пушкине*: анализ религиозного самосознания поэта, изучение его политических идей, „культурологический разбор“ творчества. Достоевского философ интерпретирует как религиозного писателя: „Для Франка было важно проследить преодоление Достоевским богоотрицания, чтобы с еще большей откровенностью поставить перед собой сложные вопросы теодицеи, земного страдания“⁷. Традиционную проблему изучения Толстого-писателя и Толстого-мыслителя Франк стремится разрешить, рассматривая единство творческого духа, *духовной личности* в постоянном колебании между социальным реформаторством, общественными изменениями и морализмом, проповедью самосовершенствования.

Типично историко-философский подход в анализе творчества этих трех писателей и мыслителей также не вполне исчерпывает их духовной сущности.

Заметим, что в статье о Гоголе Франк упоминает Л. Толстого, сопоставляя их „душевный конфликт“ и последнюю религиозную установку „ко вселенскому духовному совершенству“, спасению: „Лев Толстой полустолетием позже <Гоголя>, из глубокой потребности исцеления души, пережил ту же самую потрясающую трагедию отказа от искусства и красоты, тот же самый поворот к ограниченному религиозному морализму“⁸. Справедливости ради скажу, что русских литературных гениев Франк *познавал* как религиозных мыслителей и художников.

Обратимся непосредственно к работе Франка *Nikolaj Gogol als religiöser Geist*. В первом вступительном абзаце статьи философ дает краткую концептуально-содержательную характеристику всего творчества Гоголя от „полных юмора рассказов из украинской народной жизни“ до „двух шедевров – комедии *Ревизор* и эпически построенного сатирического романа *Мертвые души*“ (302-303). Определен Франком и главный нерв художественного таланта Гоголя, а именно умение „остро и с глубочайшей правдивостью схватывать банальное и пошлое в жизни“ (303).

⁷ Ibidem, с.21.

⁸ С.Л.Франк: *Русское мировоззрение*. Москва 1996, с.307. Далее цитаты из статьи о Гоголе приводятся с указанием в скобках страниц этого издания.

Философ предельно сжато представляет рецепцию сочинений Гоголя в XIX веке. Первотолчком к восприятию писателя в общественных дискуссиях и литературной критике явилось восклицание Пушкина: „Боже, как грустна наша Россия“. Эти слова были сказаны после того, как Гоголь прочел ему отрывки из *Мертвых душ*⁹. В оценке гоголевских сочинений, полагает Франк, при жизни писателя преобладали две противоречивых тенденции:

Гоголя воспринимали и приветствовали как великого реалиста и сатирика; если в близких Гоголю славянофильских кругах радовались народности его типов, то радикальные западники чествовали в нем социального критика, который, по его собственным словам, заметил „сквозь видный миру смех неведомые незримые миру слезы“ и – как они думали, обличал нищету русской жизни, несправедливость и развращенность существующего порядка (303).

Однако, до 1846 года проблемы „сатирического отрицания“ и „апофеозы“ русской жизни в гоголевском творчестве не были обозначены резко политически, в противоборстве нарождавшихся идейно-общественных движений.

С выходом же книги Гоголя *Выбранные места из переписки с друзьями* (1846) накал страстей о пророческом призвании художника – учителя жизни – необыкновенно возрос и поднял градус общественно-литературной борьбы. По мнению Франка,

представители всех крайних движений единодушно отвергли эту книгу как необъяснимое заблуждение великого художника. Радикальный, социалистически настроенный литературный критик В.Г. Белинский, который раньше прославлял Гоголя как великого художника, в частном письме к нему восстал с пламенным протестом против этой фальсификации настоящей цели русской жизни, почувствовав в книге „реакционный мистицизм“ (письмо В.Г. Белинского стало своеобразным „символом веры“ радикальных русских интеллектуалов) (303).

Это был манифест русского западничества. Русские революционеры и радикальная интеллигенция на многие десятилетия вперед будут провозглашать Гоголя социальным сатириком, обличителем миазмов российской жизни, писателем и комедиографом, разоблачавшим пороки самодержавной России¹⁰. Фактически такое проч-

⁹ См.: Н.В. Гоголь: *Выбранные места из переписки с друзьями*, в: Н.В. Гоголь: *Полное собрание сочинений в четырнадцати томах*. Том 8: *Статьи*. Москва 1952, с.294.

¹⁰ Ср.: „Столкновение между Гоголем и Белинским. Далее: линия Достоевского, Толстого, К. Леонтьева, Вл. Соловьева – и линия нигилизма, народни-

тение Гоголя сохранится и в советское время, да, что и говорить, и в „демократическое“, постсоветское (внедренные в общественное сознание и приписываемые писателю слова о том, что в России плохо – „дураки и дороги“!).

По мысли Франка, только в конце XIX – начале XX века был пересмотрен подобный взгляд, когда появились работы В.В. Розанова *Два этюда о Гоголе* (1893), Д.С. Мережковского *Гоголь и черт* (1906), В.Я. Брюсова *Испепеленный. К характеристике Гоголя* (1909) и других критиков, вновь поднявших трактовку сочинений Гоголя на высоту осмысления мистических откровений, христианского духа, осветивших проблемы художника и христианина в одном лице, проповедника и учителя жизни.

Только поколению конца XIX века в совершенно новой ситуации, – обобщает Франк, – более благоприятной для познания духовной реальности, удалось глубокое проникновение в жизнь души и художественного творчества Гоголя. Розанов, Мережковский, Брюсов первыми предложили правильное понимание характера Гоголя и его искусства. Они обратили внимание на многие примечательные черты редкостного религиозно-метафизического ощущения жизни уже в художественных произведениях Гоголя (303-304).

Отметим, что юбилейный доклад Брюсова *Испепеленный* (1909), положенный в основу статьи, содержал творческие и биографические характеристики Гоголя, знаменовал собой коренной пересмотр оценок книги Гоголя *Выбранные места из переписки с друзьями*; кроме того, произнесен он был поэтом-символистом, ориентированным на западные культурные ценности.

Франк, опираясь на традицию гоголеведения Серебряного века, разглядел в „реалистическом обличителе нравов“ „мистически одаренный дух“, выражающий в художественных творениях не „внешнюю реальность“, а „внутреннюю тревогу“: „сатирические образы оказывались порождением его мучительно-болезненной фантазии“ (304). Но природа „гениальной“ „художественной одаренности,“ писателя такова, полагает Франк, что „субъективные переживания... становятся источником откровения самой реальности“ (304). Эта особая

чества и револ<юционн>ого социализма. Впервые окончательное опознание противоположности – в „Вехах“ 1909 г.“ (С.Л.Франк: *Конспекты лекций по русской духовной культуре* / публ., подг. текста и примеч. А.А.Гапоненкова, „Философические письма. Русско-европейский диалог“ 2021. Т.4, вып. 1, с.229).

реальность именуется им „*метафизической*“. Такова „исходная точка зрения“ философа к постижению личности и творчества Гоголя.

Рассматривая психологический тип личности писателя, Франк убежден, что „дух Гоголя изначально несет в себе общие душевные склонности его украинского происхождения – смесь живого юмора с меланхолией и тоской“ (304). В раннем творчестве „приступы меланхолии“ писателя преодолевались посредством комических образов. Ее истоки кроются в „остром врожденном чувстве присутствия в первосущности мирового бытия демонического – равно ужасного, как и пошлого и злого“ (304). По мнению Франка, „мистическим переживанием“ души Гоголя с самого детства было избавление от панического страха. Художественно оно запечатлено в повести *Старосветские помещики* в авторском признании („Признаюсь, если бы ночь самая бешеная и бурная, со всем адом стихий, настигла меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался ее, как этой ужасной тишины, среди безоблачного дня“) и финальном рассказе о кончине главных героев, супружеской пары Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны.

Следствием этого „метафизического чувства страха“ у Гоголя является постоянное присутствие в его произведениях *образа черта*, причем, „даже там, где он не выступает зримо“ (305). Вслед за Мережковским, автором исследования *Гоголь и черт*, Франк выводит „два полярно-противоположных типичных воплощения черта“ у Гоголя: „довольный, мещански-порядочный аферист Чичиков в *Мертвых душах* и мечтательный враль и мошенник, порхающий над реальностью, якобы „ревизор“ Хлестаков“ (305). Кроме того, и сюжетное действие обоих произведений также построено на эффекте „необъяснимого помешательства умов, бесовском наваждении, благодаря которому разумные и житейские опытные люди вынуждены принимать видимость и фальшь за действительность“ (305). Намного позднее Ю.В. Манн назвал эту ситуацию „миражной интригой“. Однако Франк глубже видит ее религиозный смысл. „Видимость“ и „фальшь“ ничтожны перед величием Божественного замысла.

В *Выбранных местах из переписки с друзьями* Франк слышит крик ужаса, обращенный к соотечественникам, цитирует книгу Гоголя (главу „Завещание“):

„Страшно!.. Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия и тех духовных высших творений Бога,

перед которыми пыль все величие Его творений, здесь нами зримых и нас изумляющих. Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...“ (305).

На пути познания творческого „духа“ Гоголя Франк выявляет еще одну особенность: наличие в нем „меланхолии“, которая „выражается в постоянном, вяжущем чувства ощущении страха, скуки жизни, покинутости и беспредметной тоски“ (305). „Меланхолическое настроение“ пронизывает гоголевские творения, начиная с ранней повести *Сорочинская ярмарка*: „После того, как утихли шум ярмарки, музыка и крестьянские танцы слышатся легкие тона одинокой скрипки, отзвучавшие в тишине; для автора они становятся символом мимолетности всех жизненных радостей и необходимо следующих за ними печалью и оставленностью“ (305). Еще более пронзительно авторская меланхолия услышана Франком в финале *Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*: „Опять то же поле, местами изрытое, черное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвета небо. – Скучно на этом свете, господа!“.

Меланхолическая тональность гоголевских произведений вызвана, как считает Франк, „дурманящим действием демонического“, заключенного в „скуке, затхлости и пустоте жизни“ (305). Символический смысл заглавия поэмы *Мертвые души* философ подводит к пониманию Гоголем зла в мире:

Повсюду в мире Гоголь видит мертвые, духовно опустошенные души, внутренне уничтоженные злом. Именно поэтому зло, которое является по Гоголю принципом небытия, лжи, иллюзии и ничтожества, не обладает какой-либо чарующей, титанической силой, а как раз воплощается в низменности повседневно-пошлого и мещанского (306).

Заметим, что и по поводу комедии *Ревизор* Гоголь высказал мысль о том, что в границах одного маленького города он изобразил „мировую власть пошлости“ (306).

И здесь Франк обращает внимание на то, как в картине мира Гоголя различаются сами предметы изображения. Это зависит от его „внутренней установки“:

Вокруг себя он видит мертвые души, потому, что смотрел на мир глазами, полными тоски. При всякой попытке изобразить эстетически и нравственно прекрасное, возвышенное и благородное, он стано-

вился риторичен, и его искусство теряло свою убеждающую силу. Известные границы гоголевского творчества находятся здесь (306).

В статье о Гоголе Франк снова и снова углубляется в психологический тип его личности, саму психику писателя. Он признает неверной ту точку зрения, что мрачность гоголевской картины мира порождена „болезненным духом“, – и, следовательно, автор не может познать истину, адекватно воспринимаемую здоровыми людьми. Обращаясь к авторитету Достоевского, Франк настаивает на том, что подобная мысль является предрассудком. Наоборот, душевно больные люди обладают острыми способностями к восприятию мира:

Фактически благодаря болезненной склонности своего духа Гоголю удаются и важнейшие всеобщие религиозные знания, и, в особенности, пронизательный и очень значительный взгляд на истинную сущность его среды и его надломленного века (306).

Подтверждая свое же суждение об „известных границах гоголевского творчества“, Франк смотрит на книгу *Выбранные места из переписки с друзьями* с позиции высшей религиозной правды:

Возможно, осуждение современниками „Переписки с друзьями“ было относительно справедливым – у Гоголя не было признания пастыря и проповедника; в этом чувствуется что-то искусственное. Однако, это произведение очень сильно действует на любого религиозно восприимчивого человека. Но прежде всего „Переписка“ – как и вообще судьба Гоголя – является потрясающим документом глубокого подлинно русского трагического религиозного стремления. Желание добра и спасения пробуждено здесь вдруг с такой первоначальной силой, что и весь мир, и искусство уже теряют всякий смысл и ценность (306).

Эта книга наделала много шума и, может быть, впервые, задолго до *Вех*, взбудоражила общественное сознание по поводу давней неразрешимой проблемы: как могут сочетаться социализм и атеизм, западная культура с православием русского народа?

В статье Франка все время варьируется мысль о том, как в Гоголе уживаются два начала его личности – художественное и религиозное. Они находятся в сложной взаимосвязи. К этому прибавляется и то, что Гоголь оценивает свое художественное творчество „с точки зрения „пользы“ для Родины и мира“ (306)¹¹. Можно сказать,

¹¹ Г.Е.Аляев актуально размышляет о спорах об „украинскости“ и „русскости“ Гоголя, замечая: „Впрочем, этот спор, похоже, уже разрешился в Украине... не в пользу Украины“. См.: Г.Е.Аляев: *Выбранные места из исповеди душев-*

Франк подмечает и трагедию, душевный конфликт великих русских писателей (Гоголь, Достоевский, Толстой), стремившихся к полноте духа, но очень трудно переживавших в себе столкновение двух устремлений одновременно – и к художественной правде, изображению реальности, и к спасению мира.

Художественное и эстетическое как таковое отвергается, потому что они легко уводят человеческий дух в чисто идеальную сферу, отделенную от реальной жизни и потому отвлекают его от великой задачи подлинного, реального *просветления мира* и его *спасения* – единственного, что нужно делать. Гоголь первым выразил типично религиозную установку русского духа на искусство. Оно всегда является или должно быть больше чем „чистое искусство“, а именно – функцией или орудием стремления к святости. Он первым заметил пророческую черту подлинно русского лиризма, глубочайшая сущность которого заключается в стремлении к Богу“ (307).

Гоголь предсказал явление Достоевского.

Религиозное сознание Гоголя, обобщает Франк, неотделимо от христианского понимания жизни, христианской мудрости. *Выбранные места из переписки с друзьями* содержат „пламенную исповедь“ христианского отношения к „фактическому образу жизни“ народа. На этот счет существует много полемических суждений о народности писателя. Но Франком отмечено большое различие между Гоголем и славянофилами в адекватном выражении им русской религиозной веры. Писатель „с раздраженной резкостью“ увидел „противоречие между фактическим образом жизни и христианской верой и поэтому призывал к религиозному обновлению“ (307). Об этом статья Франка *Nikolai Gogol: Ein russischer Verkündiger der christlichen Lebenserneuerung*. Он провозгласил Гоголя *вестником религиозного обновления!*

После кровавой русской революции гоголевские прозрения кажутся Франку злобой дня сегодняшнего, питающего русскую мысль: „Гоголь выдвинул идеал, который только теперь, после русской катастрофы, начинает оказывать действие в религиозно настроенных русских душах: это идеал „оцерковления жизни““ (307). При этом, что очень важно для современных конфессиональных споров, писатель

ной, или Христианская философия Н.В.Гоголя, в: Г.Е.Аляев: *Русская философия вокруг С.Л.Франка: Избранные статьи*. Москва 2020, с.495–500. Родиной для Гоголя была именно Россия, включавшая Украину, или Малороссию. *Выбранные места из переписки с друзьями* полны апологии национально-русского, России как государства, ее тревожного настоящего и духовного будущего.

не призывал реформировать церковь, а придти к ней, защищать её. Гоголевское истолкование *обновления* не направлено на дальнейший раскол светского общества и церкви, по существу приведший к революции в России, народ которой пошел ложным путем „*антирелигиозного обновления*“ (308).

Чувствуется, что в Гоголе пробудилось сознание необычайно великой исторической и религиозной задачи; – трактует проблему Франк, – речь идет ни о чем другом, как о внутреннем обновлении всего современного светского образа жизни и образования, которые возникли вне христианской жизни и в противоположность ей. Эта великая задача, поставленная перед всем христианством, особенно актуальное значение имеет для русской жизни (308).

Пропасть между *действительностью и идеалом* Гоголь создал глубоко, художнически прозревая, прежде всего, негативное начало жизни, как в России, так и на Западе, в истории европейских народов:

Его художественно-духовная самобытность, которая вынуждала его замечать вообще в жизни демоническое, зверино-карикатурное и вульгарное, открыла ему глаза на таинственную власть, которая проникает в жизнь европейского человечества и сделало его способным к замечательной, – можно даже прямо сказать, пророческой – интуиции истории. Точными словами он определяет незримую демонию, скрытую в мировоззрении либерального просвещения и первых опытах гуманитарного социализма (308).

Гоголь гениально предвидел в *Авторской исповеди*, что „мир в дороге, а не у пристани, не на ночлеге, не на временной станции или отдыхе. Все чего-то ищут, все стремятся куда-то вперед“. Эти известные слова писателя Франк приводит как „необъяснимую тоску“, выбивающую мир европейцев (и Россию!) „из старой колеи“, впереди будут господство *разума* и „зло партийного фанатизма“, „темные, никому не известные личности“, правящие мыслями „умных людей“, лживые газетные листки, преобладание моды над заповедями. По Гоголю, „в этом триумфе демоники заключается страшная издевка над человечеством, мечтающим о прогрессе“ (310). *Выбранные места...* подтверждают это: „непонятной тоской уже загорелась земля: черствее и черствее становится жизнь; все мельчает и мелеет, и возрастает только в виду всех исполинский образ скуки, достигая с каждым днем неизмеримейшего роста. Все глухо. Могила повсюду. Боже, пусто и мрачно становится в Твоем Мире““ (310).

Франк смотрит на гоголевские прозрения относительно нового века – XIX – со всей серьезностью и с патетическим чувством, воспринимая их как *откровение*. Новый век, отвернувшись от Бога, опирается на человеческую гордыню и „движется к катастрофе“. Философ цитирует письмо Гоголя А.О. Смирновой от 20 апреля 1847 года:

Мне ставят в вину, что я говорю о Боге, умные люди сказали, что у меня нет к этому призвания, что это не мое дело. Но что я должен делать в такое время, когда оно само вынуждает говорить о Боге? Как должен я молчать, если скоро закричат камни? Каждый из нас призван говорить об этом (310).

Франк комментирует данный, фактически, ответ Гоголя своим критиком: „Эти слова свидетельствуют о подлинно профетическом чувстве обязательства перед божьим заданием и теперь, спустя восемьдесят лет, не удержаться от впечатления, что в Гоголе говорило откровение“ (310).

Опыт гоголевских прозрений Франк соотносит с опытом жизни и мысли писателей „иного склада“, мыслителей XIX века – Герценом и Достоевским. Они слышали гоголевский „крик сердечного отчаяния перед миром, захваченным демонией“ (310), оценили его по-разному, но „пришли к тому же пониманию“ XIX века.

Александр Герцен опубликовал свою удивительную книгу *С того берега* – потрясающий документ души девятнадцатого столетия. Социалистически и радикально настроенный Герцен – атеист и ничего не хочет знать о христианстве; но его диагноз и его прогноз относительно европейского человечества в существенном совпадают с гоголевским (310).

Герцен отмечает в образованном европейском обывателе духовную ограниченность, лживость гуманистической веры в прогресс и человечество, считая это идолопоклонством, неравноценной заменой религиозной веры. „Кто совестлив и разумен, должен стоически спокойно наблюдать за безнадежной театральной игрой“, – резюмирует Франк мысли Герцена о европейском человечестве.

Достоевский, по словам философа,

приходит к познанию той же самой страшной диалектики, которая выстраивается на чистом разуме и на человеческой темноте – атеистическо-религиозном социалистическом мировоззрении, отрицающем христианскую любовь и покорность. В *Бесах* Достоевский изобразил демонию этой веры, которая „начинается с провозглашения всеобщей свободы и завершается установлением всеобщего рабства, – духовное ничтожество и презрение к человеку, которые пря-

чутся за мечтой о земном рае и выступают как одержимость демоническими силами лжи и убийства. Ощущаемая Гоголем незримая темная сила у Достоевского сгущается в легион демонов, который по евангельской легенде превращается в стадо свиней и низвергается в пропасть. Полустолетием позже это видение стало явью в большевизме (311).

В завершающей части статьи Франк подводит итог рассмотрению религиозных взглядов Гоголя и делает это „в тесной связи с особенностями его художественной интуиции“ (311). Что вмещало в себя религиозное сознание Гоголя?

С доходившим до болезненности обостренным чувством зла и пошлости в человеческой жизни, демонической силы в мире; в его художественном творчестве соединяется глубоко скрытое, едва заметное на первый взгляд, страстное стремление к спасению (311).

Во многих произведениях Гоголя Франк отмечает „великую тоску, которая заполняла душу Гоголя“ (311). Это относится и к знаменитому образу России-тройки. Духовный кризис писателя также объясняется Франком „религиозным обращением“:

Он сам сообщил в *Авторской исповеди*, как в своем стремлении к истинному художественному постижению различных человеческих типов он постепенно пришел к поискам сущности души человека и отсюда – к Христу, как единственно подлинному знатоку человеческой души (311).

Заканчивает Франк статью размышлением о метафизическом реализме русской литературы, подлинным основателем которого был Гоголь:

Гоголь – первый представитель характерной существенной черты русской литературы, которая постоянно требует последней, настоящей, безобманной истины и поэтому идет от эмпирического реализма к реализму метафизическому. Великий основатель художественного реализма в России одновременно замечательным образом является первым представителем глубокого и трагического религиозного стремления, которым проникнута русская литература (311).

Последняя фраза статьи конкретизирует то, что Франк понимал под „религиозным стремлением“, великого русского писателя: „Этой чисто русской тоской было дано Гоголю пророческое постижение грядущей трагической русской и европейской судьбы“ (311).

Предпринятый Франком анализ творческого наследия Гоголя является существенным вкладом в изучение русской духовной куль-

туры. Религиозное сознание Гоголя как часть литературной традиции XIX века включается в широкий спектр философско-религиозного знания.

Статья Франка пришла к русскому читателю на рубеже двух веков – XX и XXI, когда в истории литературы и русской философии произошла коренная переоценка гоголевской духовной драмы. Исследования (почти за 90 лет) К.В. Мочульского¹², Г.А. Гуковского, И.П. Золотусского, Ю.В. Манна, В.А. Воропаева, М.М. Дунаева, И.А. Виноградова, В.Ш. Кривоноса и ряда других авторов аргументировано показали последовательность духовных поисков Гоголя, начиная с первых его произведений, и наметили пути постижения единства личности великого писателя и христианского мыслителя, его религиозного мироощущения.

REFERENCES:

- Aliaiev G.Ye.: *Vybrannyye mesta iz ispovedi dushevnoy, ili Khristianskaya filosofiya N.V. Gogolya*, v: Aliaiev G.Ye.: *Russkaya filosofiya vokrug S.L. Franka: izbrannyye stat'i*. Moskva 2020, s. 491–529. (Аляев Г.Е.: *Выбранные места из исповеди душевной, или Христианская философия Н.В. Гоголя*, в: Аляев Г.Е.: *Русская философия вокруг С.Л. Франка: Избранные статьи*. Москва 2020, с. 491–529.)
- Gaponenkov A.A.: „*Vera i lyubov' k russkoy mysli*“: *konspekty lektсий S.L. Franka o russkoy dukhovnoy kul'ture*, „Filosoficheskiye pis'ma. Rusko-yeuropeyskiy dialog“ 2021. V. 4, вып. 1, s. 212–221. (Гапоненков А. А.: „*Вера и любовь к русской мысли*“: *Конспекты лекций С.Л. Франка о русской духовной культуре*, „Философические письма. Русско-европейский диалог“ 2021. Т.4, вып. 1, с. 212–221).
- Gogol' N.V.: *Vybrannyye mesta iz perepiski s druž'yami*, v: Gogol' N.V.: *Polnoye sobraniye sochineniy*. Tom 8: *Stat'i*. Moskva 1952, s.213–418. (Гоголь Н.В.: *Выбранные места из переписки с друзьями*, в: Гоголь Н.В.: *Полное собрание сочинений в четырнадцати томах*. Том 8: *Статьи*. Москва 1952, с.213–418).
- Yermichev A.A.: *S.L.Frank – filosof russkogo mirovozzreniya*, v: Frank S.L. : *Russkoye mirovozzreniye*. Sankt-Peterburg 1996, s. 5–36. (Ерми-

¹² Книга К.В.Мочульского *Духовный путь Гоголя*, как и статьи Франка о Гоголе, вышла в 1934 году.

- чев А.А.: *С.Л. Франк – философ русского мировоззрения*, в: Франк С.Л.: *Русское мировоззрение*. Санкт-Петербург 1996, с. 5–36).
- Nazarova O.: *Nyeizvestnyye publikatsii S. L. Franka v zhurnale „Liebet einander“*, „Filosofskiye nauki“ 2007, 2, s. 5–9. (Назарова О.: *Неизвестные публикации С. Л. Франка в журнале „Liebet einander“*, „Философские науки“ 2007, № 2, с. 5–9.)
- Nikulin S.V.: *S.L. Frank kak istorik russkoy filosofskoy kul'tury: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk*. Moskva 2007. (Никулин С.В.: *С.Л. Франк как историк русской философской культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Москва 2007.)
- Frank S.L.: *Konspekty lektsiy po russkoy dukhovnoy kul'ture / publ., podg. teksta i primech. A.A. Gaponenkova, „Filosoficheskiye pis'ma. Russko-yevropeyskiy dialog“ 2021. V.4, vup. 1, s.222–231.* (Франк С.Л.: *Конспекты лекций по русской духовной культуре / публ., подг. текста и примеч. А.А. Гапоненкова, „Философические письма. Русско-европейский диалог“ 2021. Т.4, вып. 1, с.222–231.)*
- Frank S.: *Nikolaj Gogol als religiöser Geist*, „Hochland“ 1934/1935. Bd I. S. 251–259.
- Frank S.: *Nikolai Gogol: Ein russischer Verkündiger der christlichen Lebenserneuerung*, „Liebet einander!: Monatsblatt der Russischen Bruderhilfe“, Lemgo 1934, no. 6, juni.
- Frank S.L.: *Religioznoye soznaniye Gogolya*, v: Frank S.L.: *Russkoye mirovozzreniye*. Sankt-Peterburg 1996, s. 302–311. (Франк С.Л.: *Религиозное сознание Гоголя*, в: Франк С.Л.: *Русское мировоззрение*. Санкт-Петербург 1996, с. 302–311.)
- Tsygankov A.S., Obolevich T.: *Protestantskaya organizatsiya „Russische Bruderhilfe“, i yeye rol' v tvorcheskoy biografii S.L. Franka 1930-kh gg.*, „Istoriya: elektronnyu nauchno-obrazovatel'nyu zhurnal“ 2021. V.12, vup. 4 (102). (Цыганков А.С., Оболевич Т.: *Протестантская организация „Russische Bruderhilfe“ и ее роль в творческой биографии С.Л. Франка 1930-х гг.*, „История: электронный научно-образовательный журнал“ 2021. Т.12, вып. 4 (102).)
- Chizhevskiy Dm.: *S.L. Frank kak istorik filosofii i literatury*, v: *Sbornik pamyati Semena Lyudvigovicha Franka / pod red. prot. V. Zyen'kovskogo*. Myunkhen 1954, s.157–174. (Чижевский Дм.: *С.Л. Франк как историк философии и литературы*, в: *Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / под ред. прот. В. Зеньковского*. Мюнхен 1954, с.157–174.)